

Холодное лето апокалипсиса

«ИСПЫТАНИЕ» АЛЕКСАНДРА КОТТА

Анна Сотникова

«ИСПЫТАНИЕ» Александра Котта — скандальный победитель минувшего «Кинотавра», самый конформистский выбор жюри, завещавшего смотреть в будущее, — выходит в российский прокат. Красивый, но по-вгиговски архаичный фильм об испытаниях ядерной бомбы в Семипалатинске. Без слов, но с музыкой Айги.

Посреди поля стоит грузовик. В кузове лежит казах и смотрит в небо. Полежит — и поедет дальше, к своему домику в степи, где ведет размеренную уединенную жизнь вместе с дочерью. Дочь следит за тем, чтобы он был сыт и ноги не мерзли. Время от времени встречается в поле с лихим юношей-чабаном, который катает ее на лошади. Однажды во дворе материализуется русский паренек с фотокамерой, сделает снимок и исчезнет, чтобы возвращаться как можно чаще. Таким было начало августа 1953 года в Семипалатинске. Что было потом — написано в учебниках.

История создания «Испытания» гласит: однажды Павел Чухрай написал сценарий много-миллионного исторического блокбастера об испытаниях ядерной бомбы в Семипалатинске. Он долго лежал у продюсера Игоря Толстунова, который никак не мог набрать достаточное количество миллионов, а потом вконец отчаялся и отдал его Александру Котту, автору монструозной «Брестской крепости», давно мечтавшему снять полный метр без

слов. Так из эпической исторической реконструкции «Испытание» превратилось в камерную лирическую зарисовку об апокалипсисе. Два месяца назад победа «Испытания» на «Кинотавре» вызвала всеобщее бурное негодование — не из-за того, что картина отличалась какой-то особенной чудовищностью, просто на фоне огромного количества талантливого молодого кино, живого, стремящегося в реальность, выбор победителя казался несколько странным. «Испытание» действительно страшно старомодно — это очень медленное, очень красивое, предельно искусственное кино, стремящееся считать себя скорее кино-поэзией, нежели просто «фильмом». Оно предназначено не для того, чтобы смотреть, — его надо созерцать. Течет вода, растет трава, встает и заходит солнце, медленно плетется по полю из одного кадра в другой грузовик, девушка плетет косы — каждый кадр хоть на стенку вешай, в крайнем случае печатай на фотообои. Котт упражняется в азиатском кино и восточной поэзии, чрезмерной и торжественной, лиричной и неторопливой. Повторяются одни и те же образы, возникают и исчезают банальные метафоры, история любви складывается из набора простых ситуаций, рифмующихся друг с другом или почти дословно дублирующихся. Снова и снова девушка встречает в поле чабана и тот катает ее на лошади, снова и снова то в одном, то в

другом окне возникает белобрысая голова паренька, дважды сойдутся они в кровавой схватке за ее любовь. С красоты начинается ужас — эти ожившие картины, меланхолично сменяющие друг друга, мягким убаюкивающим шепотом рассказывают историю про смерть отца, войну за любовь и ласково окутывающий все на своем пути смерч ядерного взрыва. Частный апокалипсис становится универсальным. Красота убивает. Схожую по темпу и отношению к жизни историю рассказывал Бела Тарр в «Туринской лошади». Подкупает то, насколько искренне Котт относится к своим героям: ему действительно нравится подолгу смотреть, как они улыбаются, смотрят на свое отражение в колодце или просто пьют чай. Как легковесен русский паренек и основателен чабан. Как казах ест солнце. Как горит огонь и течет вода. Еще ему нравится сплетать все это в историю — незамысловатую и бессловесную. Бытие конечно, мы обречены, смысл — в созерцании. Все так, но этот архаичный набор открыток кажется слишком герметичным для того, чтобы трогать истинностью или вызывать хоть какие-то чувства, кроме упоения красотой окружающего мира, показанного на экране. С тем же успехом можно выйти в поле и полтора часа смотреть по сторонам, с одной только разницей — у вас не будет саундтрека Айги.

В прокате с 18 сентября